

СТАСИ И ЭЛЕН ТВЕНТИ

Я ВИЖУ ТЕБЯ
НАСКВОЗЬ

Стаси и Я вижу тебя насквозь

<https://litres.ru/74207753>

Аннотация

Доктор Вероника Андреевна — блестящий психотерапевт. Днем она лечит чужие страхи, а по ночам сама погружается в первобытный ужас, чтобы писать бестселлеры в жанре хоррор. Ее метод — контролируемый самогипноз. Она лично проживает сюжеты ее книг, чтобы дать читателям настоящие эмоции.

Вдруг границы между реальностью и вымыслом стираются. Герой ее книги просачивается в ее мир, а новый обаятельный коллега, кажется, видит ее насквозь. И теперь Вероника не уверена, кто она: охотник за эмоциями, автор или... героиня своего собственного, самого страшного романа.

Содержание

Глава 1. Холодный бетон впивается в колени...	4
Глава 2. Маска	11
Глава 3. Ритуал	17
Глава 4. Новый коллега	22
Глава 5. Разговор у кулера	27
Глава 6. Кофе	32
Глава 7. Интеллектуальная дуэль	38
Глава 8. Перерыв	43
Глава 9. Голод	48
Глава 10. Две жизни	52
Глава 11. Овраг	57
Глава 12. Сбой	61
Глава 13. Шкала F	67
Глава 14. Темный лес	72
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Глава 1. Холодный бетон впивается в колени...

Холодный бетон впивается в колени.

Он шероховатый, будто покрыт мелкой наждачкой. Крошечные песчинки вдавливаются в кожу, оставляя тупую боль.

Холод ползет вверх, пробирается сквозь ткань и добирается до костей. Ноги каменеют, будто срастаются с полом, становятся его частью.

Влажность сочится из бетона, как дыхание земли, тяжелое, промозглое.

Я зажимаю рот липкой ладонью. Кожа на пальцах влажная, соленая от пота и страха. Дыхание рвется наружу горячими толчками. Оно срывается на короткие всхлипы, будто легкие пытаются выползти наружу.

Не дышать. Ни звука. Ни шороха.

Сердце гремит где-то в ушах, отдаваясь барабаном внутри черепа.

Воздух густой, пропитан сыростью и старой плесенью. Он липнет к лицу, оседает на ресницах, тянется нитями по волосам.

Под всем этим — другой запах: сладковато-гнилой, тяжелый, как от забытых яблок. Он лезет в горло, вызывая рвот-

ный спазм, который я давлю с той же силой, что и крик.

Слюна становится горькой, язык немеет.

Темнота наваливается, до боли давит на глаза.

Я щурюсь, пытаюсь различить хоть что-то — бочку, стеллаж, контур стены — но ничего нет.

Тьма жирная, вязкая, цепляется за кожу, тянет вниз, будто хочет затянуть в себя.

Где-то глубоко в черноте есть движение — или кажется?

Я прячусь в нише, прижимаюсь к стене, стараюсь стать частью бетона. Кожа на спине мгновенно холодеет от соприкосновения с влажной поверхностью.

Кап.

Капля падает в пустоту.

Кап.

Чистый металлический звук. Он тонет в темноте и рождается заново, оглушая.

Вода с потолка. Обычная вода.

Я закрываю глаза, пытаюсь сделать этот звук своим якорем. Просто вода.

Кап... тук.

Сердце пропускает удар и замирает.

Второй звук другой — сухой, глухой, откуда-то сверху. Он похож на удар каблука по дереву.

Тук... тук... шаги.

Он знает.

Не может быть. Дверь закрыта — я помню, как ржавый

Засов оцарапал кожу, когда я его опускала. Кровь тогда оставила теплое пятно на холодном металле.

Сердце бьется слишком громко.

Этот стук точно слышно наверху.

Я сильнее вжимаю ладонь в рот, до боли в челюсти, кусаю пальцы, лишь бы не издать ни звука.

Воздух в груди превращается в камень.

Шаги замирают. Прямо над головой.

Я замираю вместе с ними.

Время густеет.

Тишина. Капель больше нет. Или я их просто не слышу.

Каждый мускул ноет от напряжения, колени горят, спина сведена в судороге.

Скреееежет.

Медленный хриплый визг металла. Засов двигают с другой стороны.

Нет! Это невозможно!

Холод добирается до поясницы, тянет вниз, превращает мышцы в камень.

Я не могу пошевелиться, не могу дышать. В висках пульсирует тупая боль.

Скрип.

Дверь наверху открывается. Протяжно, мучительно.

Я сжимаюсь, превращаясь в один комок страха.

Сейчас включат свет.

Но света нет.

В проеме вырезан прямоугольник серого. В нем силуэт.
Он стоит. Смотрит вниз, в темноту. Не видит меня. Не может. Но знает.

Шаг. Хруст.

Деревянная ступенька стонет.

Хруст. Еще одна.

Он спускается медленно, не торопится, уверенный, что я в ловушке. Доски под ним плачут, стонут, будто не хотят его держать.

Хруст. Он на середине лестницы.

Я чувствую, как что-то тонкое касается моей щеки. Паутина. Я не смею ее смахнуть. Она прилипает к коже, тянется, холодная, как нитка слюны.

Хруст. Последняя ступенька. Он уже на полу.

Тишина.

Я слышу только свое дыхание, неровное, со свистом, хотя пытаюсь его удержать.

Шарк.

Он делает шаг по бетону. Нога скользит по пыли.

Шарк... Он идет вглубь подвала. Ко мне. Он ищет.

Где-то падает капля, но теперь этот звук — часть его шагов.

Я зажмуриваюсь так сильно, что перед глазами вспыхивают красные круги.

Шарк... Он совсем близко.

Воздух изменился — стал холоднее, гуще.

Я слышу его дыхание. Тихое. Спокойное. Как будто он не на охоте, а просто пришел забрать свое.

Он останавливается совсем близко.

Я знаю: сейчас он протянет руку и...

БЗЗЗЗЗТ!

Оглушительный, резкий, механический звон. Вибрация ударила по нервам, словно током.

— Открываю шторы. Время 21:38, – произнес бесстрастный женский голос.

Резкая боль от света ударила по сетчатке, привыкшей к абсолютной тьме.

С жужжанием тяжелые шторы-блэкаут разъехали в стороны, впустив в комнату искусственный свет ночного города.

Я сидела в своем глубоком велюровом кресле вся в холодном поту. Моя дорогая шелковая пижама прилипла к спине, а сердце колотилось где-то в горле, оглушая. Пульс в ушах бился как сирена.

В правой руке, сжатой до побелевших костяшек, лежал маленький гладкий камень.
Я разжала пальцы. Руки дрожали так сильно, что я не могла удержать якорь.

Камень с тихим стуком упал на толстый ковер.

Эти двадцать минут истощили меня.

Запах гнили и сырости все еще стоял в горле. Фантомный холод все еще жил в коленях, будто я так и не поднялась с бетонного пола.

Я сделала один глубокий рваный вдох. Потом второй, мед-

леннее.

Я знала, как дышать — я ведь была психотерапевтом.

Я заставила себя сосредоточиться на технике «квадратного дыхания» — простом, но мощном инструменте заземления.

«Вдох на четыре счета», — скомандовала я себе мысленно, медленно втягивая воздух через нос. Раз... два... три... четыре... Воздух был стерильным, кондиционированным, но легкие все еще ждали запаха подвала.

«Задержка на четыре». Раз... два... три... четыре... Пауза, позволяющая телу понять, что угрозы больше нет.

«Выдох на четыре». Медленно, сквозь чуть сжатые губы, выпуская напряжение. Раз... два... три... четыре...

«Пауза на четыре». Раз... два... три... четыре... Тишина перед следующим циклом.

Я повторила квадрат еще раз. И еще. Сердце все еще билось часто, но уже не так хаотично. Дрожь в руках начала униматься. Я чувствовала, как реальность возвращается — вес тела в кресле, прохлада воздуха на коже, тихий гул города за окном.

Я знала, как дышать. Теперь нужно было вспомнить, как *жить* с тем, что я только что видела.

Я заземлялась, осматривая свой кабинет: книжные полки до потолка, фикус в углу, на столе чашка с остывшим ромашковым чаем. Реальность. Но тот подвал ощущался реальнее. Эйфория и ужас боролись во мне, и от этого коктейля кру-

жилая голова. Первобытный страх казался таким живым и незамутненным, но таял с каждой минутой. Я пересилила дрожь, потянувшись к столу и одним резким движением разбудила свой ноутбук.

Экран ожил, демонстрируя пустой документ.

Мои пальцы, все еще непослушные и холодные, нашли клавиатуру. Я начала печатать.

«Холодный бетон впивается в колени...».

Глава 2. Маска

Звук ключа, поворачивающегося в замке кабинета, прозвучал тихо, сдержанно. Он точно совпадал с атмосферой клиники «Гелиос» — едва ощутимая смесь антисептика, лимонного воска и свежего кофе из холла. Пространство дышало покоем: бледно-оливковые стены, мягкий рассеянный свет, орхидеи на подоконниках.

Мир контроля.

Я нажала на выключатель — теплое освещение мягко растеклось по кабинету. Сняла отглаженный кашемировый пиджак цвета мокрого асфальта, повесила его на спинку кресла, пригладила белоснежную шелковую блузку. Волосы, темные, почти черные, были собраны в строгий узел. Вчера они цеплялись за влажную шею, а сегодня не выбилась ни одна прядь.

В зеркале у двери я поймала собственное отражение. Доктор Вероника Андреевна, тридцать два года. Четкие скулы, спокойные серо-зеленые глаза. Ни следа усталости с прошедшей ночи. Консилер и восемь часов сна сработали идеально, как всегда.

Я опустила взгляд на руки. Маникюр аккуратный, лак прозрачный, пальцы неподвижны. Никакого намека на вчерашнюю дрожь, на неспособность удержать камень-якорь.

Я сдержанно улыбнулась, репетируя перед началом рабо-

чего дня. Готова.

Ровно в десять ноль-ноль прозвучал вежливый стук в дверь.

— Войдите.

Дверь приоткрылась, и в кабинет вошла тень. Катя Волкова, двадцать три года. Худая, бледная, утопающая в сером худи на пару размеров больше. Русые волосы потускнели, глаза настороженные: большие, полные страха.

— Здравствуйте, Катя. Проходите, садитесь.

Голос — мой главный инструмент, он констатирует безопасность. Низкий, бархатистый, обволакивающий.

Катя проскользнула и села на самый краешек глубокого клиентского кресла, напротив моего. Она вцепилась в свои колени. Пальцы с обкусанными ногтями побелели. Я видела, как бешено пульсирует венка на ее шее.

— Хотите воды? Чаю?

— Нет, спасибо, — голос у Кати тонкий, прозрачный.

Я села напротив, не торопясь. Дала тишине заполнить комнату, позволила пациентке привыкнуть.

— Как прошла ваша неделя? — мягко спросила я.

Катя дернулась.

— Было... было плохо. В среду. Я застряла в лифте.

Я чуть кивнула.

— Расскажите мне.

— Я ехала с работы. Народу было много... И вдруг лифт остановился. Просто встал между этажами. Прошло, навер-

ное, секунд десять, не больше. Но мне показалось... — она сглотнула, — мне показалось, что стены... они начали двигаться. Я знаю, это глупо, я знаю, что они не двигались, но я чувствовала, как они становятся ближе. Воздуха... воздуха совсем не стало. Я начала задыхаться. Я думала, я там умру.

Ее дыхание сбилось, стало частым, неглубоким.

— Я... я начала кричать. Кажется. Люди на меня так смотрели...

— Но вы не умерли, — тихо констатировала я. — Вы сейчас здесь. Вы дышите.

— Я больше не могу, Вероника Андреевна, — прошептала Катя, и в ее глазах блеснули слезы. — Я не могу так жить. Я боюсь всего. Я боюсь спать, потому что мне снится, что меня хоронят заживо. Я боюсь метро, боюсь лифтов...

— Вы боитесь не лифтов, Катя. Вы боитесь своих ощущений, — мой голос стал еще тише, глубже. — Вы боитесь того чувства паники, которое, как вам кажется, может вас убить. Но оно не может. Это просто реакция. И мы можем ее изменить. Вы готовы немного поработать?

Катя кивнула.

— Хорошо. Тогда закройте глаза.

Она подчинилась. Веки дрожали.

— Сосредоточьтесь на моем голосе. Только на нем. Все остальные звуки — тиканье часов, шум улицы — уходят на задний план. Они есть, но вас не касаются. Вы слышите только меня.

Я сделала короткую паузу, позволив словам осесть в ее сознании.

— А теперь — дыхание. Давайте дышать вместе. Медленный вдох через нос. Раз... два... три... и долгий выдох через рот. Раз... два... три... четыре... Еще вдох... и выдох...

Я дышала с ней. Через минуту дыхание Кати выровнялось, пульс на шее замедлился.

— Ваше дыхание ровное, — сказала я. — Вы в безопасности. Вы сидите в мягком кресле, в теплой комнате. Здесь вам ничего не угрожает.

Руки Кати немного расслабились.

— Я хочу, чтобы вы представили стены этой комнаты. Они твердые, надежные. Стоят здесь много лет. Они неподвижны.

Я заметила, как напряглась ее челюсть.

— А теперь представьте лифт. Не нужно в него входить. Просто посмотрите со стороны. Обычная металлическая коробка с кнопками.

Катя снова начала дышать чаще.

— Все в порядке. Вы в безопасности. Вы просто смотрите. Теперь представьте, что стены лифта прозрачные. Вы видите, что за ними — механизмы, тросы, бетон. Это конструкция. Механизм, который помогает людям.

Я сделала паузу.

— Стены не давят, — произнесла я твердо. — У них нет такой задачи. Они созданы, чтобы защищать. Как стены дома

защищают от дождя. Они твердые. Они надежные. Они ваши защитники на время пути.

Я говорила это, и ни один мускул не дрогнул на моем лице. Я, которую двенадцать часов назад парализовал животный ужас в замкнутом пространстве подвала. Я, которая чувствовала, как тьма давит на глазные яблоки, а холодный бетон срастается с коленями.

— Вы чувствуете? — спросила я. — Стены — это безопасность. Повторите про себя: «Стены — это безопасность».

Катя беззвучно шевельнула губами. Бледное лицо стало сосредоточенным.

— Хорошо, — сказала я. — А теперь медленно, на счет три, вы вернетесь в комнату. Один... вы ощущаете руки и ноги. Два... слышите звуки кабинета. Три... откройте глаза.

Катя моргнула и растерянно посмотрела на меня.

— Я... кажется, у меня получилось. Мне не было страшно. Когда вы сказали, что они защищают...

— Это ваш новый якорь, — я позволила себе теплую улыбку. — Когда почувствуете начало приступа, вспомните это ощущение. «Стены меня защищают». Договорились?

— Да... да. Спасибо, Вероника Андреевна.

Когда заметно более твердой походкой Катя вышла из кабинета, я позволила себе откинуться на спинку кресла и закрыть глаза.

Маска уверенности спала. Я была истощена. Но не из-за сеанса, а из-за прошлой ночи, которая забрала все мои силы.

И сейчас я работала на чистой волевой привычке.

Запах орхидей вдруг сменился другим — тошнотворным запахом сырой земли и гнилых яблок.

Я резко открыла глаза.

11:05. До следующего пациента двадцать пять минут. Время на кофе, на почту, на то, чтобы снова надеть безупречную маску доктора Вероники.

Ночь еще впереди — нужно подготовиться к следующей главе.

Глава 3. Ритуал

Вернувшись домой, я не стала зажигать свет в гостиной, просто скинула туфли и прошла прямо в кабинет. Пол холодила ступни, паркет хрустнул под пяткой — единственный звук в тишине квартиры. Воздух пах бумажной пылью и духами, оставшимися на шарфе, брошенном утром на кресло.

Рабочий день — необходимое прикрытие, ритуал в ритуале. Настоящая работа начиналась сейчас.

Я села за стол и открыла «ЛитСтраницы» на ноутбуке. Экран вспыхнул, ослепив глаза после темноты коридора.

Глава «Подвал», выложенная сегодня утром, уже была в топе. 117 комментариев.

User_44: *«Я вспотел, пока читал. Как?»*

Koshka_V_Teni: *«Невероятно. Запах, ощущения... откуда вы знаете, каково это на самом деле?»*

HorrorFan_1: *«Животный ужас. У меня сердце колотилось вместе с гг. Автор, вы гений».*

Строки дрожали в голубоватом свете экрана. В отражении я видела свое лицо — усталое, но с огнем в глазах, который всегда появлялся перед новым экспериментом.

Я провела пальцем по экрану, когда ледяной укол тщеславия кольнул мое сердце. Восхищение читателей, признание моего гения были намного сильнее благодарности Кати. Они были моим наркотиком. И сейчас его действие заканчи-

валось, оставляя после себя знакомый голод. Жажду нового погружения.

В животе потянуло пустотой. Мысли закружились вокруг одной точки — желания.

Я открыла пустой документ. «Глава 24. Лес».

Белое окно на экране казалось порталом. Холодным, ма-
нящим.

Ритуал начался.

Я встала и проверила тяжелую, обитую звукоизоляцион-
ным материалом дверь кабинета. Замок щелкнул. Теперь ме-
ня никто не услышит.

Звук щелчка был почти утешительным. Последний мост
к внешнему миру отрезан.

Я села в велюровое кресло, достала диктофон и нажала на
запись.

Пальцы слегка дрожали, металл корпуса был прохладным,
почти влажным на ощупь. В комнате стояла глухая, плотная
тишина — та, что давит на барабанные перепонки, заставляя
слышать собственное сердце.

Мой низкий и ровный голос заполнил тишину.

«Ты одна. Вокруг только сосны. Высокие, до неба. Под
ногами — толстый слой сухой хвои, каждый шаг тонет в ней.
Абсолютная тишина. Но... ты слышишь, как хрустит ветка.
Сзади. Слева. Ты замираешь. Хруст повторяется. Ближе».

Я надиктовывала скрипт десять минут. Идеальная, выве-
ренная индукция. Я знала, какие слова использовать, на ка-

кие триггеры давить. Каждое слово отзывалось где-то под кожей, пульсировало в висках. В какой-то момент я поймала себя на том, что говорю чуть медленнее, чем нужно, и слушаю собственный голос как посторонний звук.

Закончив, я положила диктофон на столик.

Металл корпуса блеснул в свете экрана. От этого холодного отражения по спине пробежал легкий озноб.

— Алиса, закрой шторы.

БЗЗЗЗЗТ!

Тот же звук, что прошлой ночью позволил мне вырваться из подвала.

Тяжелая ткань отсекала остатки городского света. Кабинет погрузился в жирную темноту. Тьма прильнула к стенам, будто впитывала в себя каждый предмет. Где-то далеко, за стеклом, слышался гул города — как пульс огромного спящего зверя.

— Алиса, будильник на 20:45.

Двадцать минут. Этого должно хватить.

Я коснулась экрана фитнес-браслета на левом запястье. Пульс: 74.

Монотонное свечение циферблата вырезало запястье из мрака, делало его почти ненастоящим. Я активировала особый режим — вибрация, если ЧСС превысит 140 ударов в минуту. Просто для перестраховки.

Я наклонилась и нащупала на ковре маленький гладкий камень. Мой якорь. Он оказался холодный, будто только что

его вынули из ледяной воды. Под пальцами чувствовались крошечные неровности.

Последний шаг.

Я завела механический метроном.

Тук...

Тук...

Сухой, ровный, безэмоциональный стук. Звук сразу наполнил комнату, гулко отразился от стен. В каждом ударе — мерная уверенность.

Я откинулась в кресле и настроилась на погружение, хотя и знала, что это опасно.

Кресло было мягким, обволакивающим, и пока что даже не казалось капканом. Тело погружалось в него все глубже, дыхание становилось короче. В груди легкая дрожь — не от холода, а от предвкушения. В висках звенит пульс, совпадая с ритмом метронома.

Чистый, намеренный самогипноз. Контролируемая регрессия в состояние первобытного страха. Мои коллеги в «Гелиосе», со всеми их протоколами и этическими кодексами, назвали бы это безумием. Профессиональным самоубийством.

Помню, я как-то заикнулась об этой идее своему ментору, а он уставился на меня так, будто я предложила ему прыгнуть с крыши.

«Вероника, — отрезал он тогда, — Я строжайше запрещаю тебе даже думать об этом. Ты не понимаешь, с чем иг-

раешь. Это дико опасно! И к тому же — неэтично».

Он не понимал. Он и все они, с их мягкими креслами и «безопасными пространствами». Как можно лечить страх, если ты не знаешь его в лицо? Как можно описать монстра, если ты никогда не чувствовал его дыхания у себя на шее?

Они предлагали эмпатию. А я хотела правды для своей книги. Я жаждала познакомить своих читателей с первоисточником.

Тук...

Камень в руке начал теплеть.

Тук...

Метроном подстроился под ритм моего сердца. Или сердце подстроилось под него.

Я закрыла глаза и нажала «Play» на диктофоне.

«Ты одна. Вокруг только сосны...»

Воздух в комнате изменился — стал плотнее, словно действительно появился лес, тяжелый и влажный. Тишина звенела, как натянутая струна.

Первый шаг к погружению уже сделан.

Глава 4. Новый коллега

В конференц-зале пахло иначе, чем в моем кабинете. Не воском и орхидеями, а пылью от проектора и крепким, уже остывающим кофе из общего заварника. Запах был вязким, тяжелым — он оседал на коже, будто пыльца воспоминаний, мешавшая дышать. Воздух дрожал от тихого гула кондиционера, от шелеста бумаг, от приглушенных голосов в коридоре.

Утренняя планерка. Яркий свет бил сквозь жалюзи, разрезая длинный стол на полосы.
На полированной поверхности эти полосы выглядели как следы от ножа — резкие, неудобные. Пыль в лучах медленно кружилась, напоминая застывшее время.

Я сидела, сцепив пальцы на кожаном блокноте. Под глазами — тот же надежный консилер. Никто не видел, что я до трех часов ночи отмывала с себя фантомный запах сырой хвои и липкий, въедливый страх. Кожа под манжетами все еще помнила ледяные прикосновения из сна — как будто кто-то держал меня за запястья.

Мои руки оставались совершенно неподвижными. Я всем своим видом демонстрировала привычную сосредоточенность.

Дверь открылась, и в зал вошла Ирина Викторовна, наша руководительница.

Щелчок замка, тихий стук каблучков по ламинату — звук, мгновенно заставивший всех выпрямиться. В воздухе будто что-то сместилось, запах кофе смешался с легкой нотой ее унисекс парфюма.

Ирине Викторовне было за пятьдесят, но выглядела она безупречно, я даже немного ей завидовала. Короткая стрижка «пикси» с идеально покрашенной сединой, которая казалась дорогим аксессуаром. Подтянутая фигура. Она несла с собой ощущение холода и контроля, как человек, который знает, что любое слово здесь будет воспринято как приказ.

Она села во главе стола и опустила очки в тонкой оправе Cartier на кончик носа, обводя сотрудников взглядом. Линзы на мгновение поймали блики света, и ее глаза стали недосягаемо-ледяными. Неподготовленному человеку ее улыбка показалась бы вежливой, но я видела скрывающуюся в ней сталь.

Ирина ценила репутацию клиники превыше всего, а я была ее «золотым» специалистом. Деталью механизма, которая не давала сбоев.

— Доброе утро, коллеги, — поздоровалась она. Голос у нее был поставленный, уверенный, без единой дрожи, отчего даже приветствие звучало как директива. — Прежде чем мы перейдем к расписанию, у меня новость. К нам присоединяется новый специалист, и я считаю это невероятным приобретением для «Гелиоса». Марк Вольский.

Мужчина, до этого тихо сидевший в углу, встал и прошел

к Ирине. Признаться, я его даже не заметила. Он словно растворялся в пространстве, пока не решил обозначить себя.

Ему, вероятно, было лет сорок, но на это указывала не его внешность, которая оказалась довольно моложавой, а умный и пронзительный взгляд. Светло-каштановые, слегка выющиеся волосы лежали в виде «художественного беспорядка» — прическа, которая выглядела небрежной, но на самом деле требовала немалых усилий. Легкая, ухоженная щетина.

Когда новенький прошел мимо, я уловила легкий аромат — что-то между древесным мхом и свежим воздухом после дождя.

Мужчина был облачен не в строгий костюм, как требовал наш негласный дресс-код, а в стильный блейзер, дорогую рубашку с закатанными рукавами, и джинсы. Типичное воплощение «современного» специалиста, в то время как мой пиджак служил «классической» броней. Контраст был почти символичным — живое против выверенного, свободное против выстроенного до миллиметра.

Марк Вольский улыбнулся, обезоруживая своей глянцевой красотой. Эта улыбка была как вспышка света на стекле — короткая, яркая и не дающая тепла. Его орехово-карие глаза остались оценивающими и холодными.

— Очень рад присоединиться к вашей команде, — сказал он глубоким бархатистым голосом. Но в отличие от моего натренированного, его ощущался искренним. В нем было что-то уверенное, гипнотическое — интонации, к которым

люди тянутся, не понимая почему.

Я видела, как расслабилась Инга из регистратуры, как менее напряженными стали плечи психолога из соседнего кабинета. Марк располагал к себе мгновенно. Его энергия, как легкое электричество, проходила по комнате, заставляя всех оживать.

Ирина Викторовна сияла.

— Марк не просто переводится к нам, он привносит уникальный опыт...

Пока она расхваливала заслуги Марка, его взгляд нашел мой и задержался дольше положенного. Там не было ни попытки понравиться, ни заискивания, ни вызова — только спокойная, почти изучающая сосредоточенность.

Он чуть заметно кивнул. Я кивнула в ответ, сохраняя маску профессионального дружелюбия. Но под этой маской я ощущала, как кожа на затылке медленно стягивается, словно от невидимого прикосновения.

Меня раздражала эта его легкость. Уверенность. Тщательно продуманная небрежность.
Мы все здесь были психологами, и знали, как расположить к себе людей. Но почему его непринужденная расслабленность действовала лучше моих годами выверенных методов?

Планерка продолжалась, но я уже не слушала.

Голоса стали гулом, фразы — шумом на фоне. Я анализировала идеальный фасад новообретенного коллеги.

Мне не терпелось узнать, что скрывается за ним. Что пря-

талось за этой выверенной естественностью, за бархатным голосом, за ореховым взглядом, который будто видел чуть глубже, чем позволено.

Глава 5. Разговор у кулера

Я дожидая до обеда на чистом адреналине и двух чашках утреннего кофе. Сеансы прошли как в тумане. Я кивала, ровным тоном задавала правильные вопросы, но часть меня все еще была там, в лесу.

Я все еще слышала хруст веток под ногами моего преследователя.

Даже сейчас, направляясь в комнату отдыха, я чувствовала под веками клубящуюся темноту, а в ноздрях — фантомный запах сырой хвои, который никак не мог перебить стерильный аромат «Гелиоса». Погружение прошлой ночью было... другим. Не как «Подвал». Страх был не таким концентрированным, но более изматывающим. Он был разлит в воздухе, не давая забыть ни на секунду, что я — добыча.

Я чувствовала усталость, какой не знавала прежде. Маска доктора Вероники сегодня казалась особенно тяжелой.

Марк Вольский стоял у навороченной кофемашины спиной ко мне и что-то напевал себе под нос, ожидая, пока аппарат закончит шипеть.

Я остановилась, собираясь молча налить воды из кулера и уйти. Но он обернулся.

— О, Вероника.

Он улыбнулся той самой глянцевой улыбкой.

— Марк, — я кивнула, стараясь, чтобы мой голос звучал

бесстрастно, и подошла к кулеру, который стоял рядом с кофемашиной.

— Спасаетесь водой? — он взял свою чашку. — По-моему, день располагает к чему-то покрепче. В смысле, к кофеину.

Он отпил. Его ореховые глаза смотрели на меня поверх края чашки, и мне показалось, что я уловила аромат фундука.

— Кофеин — плохой союзник в борьбе со стрессом, — машинально ответила я, открывая холодильник.

— Правда? — он усмехнулся. — А я думал, он наш главный инструмент. Сразу после Фрейда и удобного кресла.

Я невольно улыбнулась. Совсем слабо.

— Вы быстро осваиваетесь.

— Я стараюсь, — он прислонился к столешнице, принимая позу, которая выглядела расслабленной, но полностью контролировала пространство между нами. — Хотя, должен признать, атмосфера здесь... стерильная. В Мюнхене у нас в ординаторской был бардак, старые диваны и вечные споры. Здесь, — он обвел рукой комнату, — даже фикус растет идеально ровно.

— Этого требует Ирина Викторовна. Порядок в пространстве — порядок в голове.

— Порядок в голове, — он медленно повторил, и улыбка на его губах стала тоньше, а взгляд — острее. — А у вас с этим, кажется, полный порядок. Вы — местная легенда, я

слышал. Доктор Вероника Андреевна, которая берется за то, от чего другие отказываются.

Лесть. Самый дешевый прием.

— Я просто делаю свою работу.

— Да? — он сделал еще глоток. — Тогда вы делаете ее слишком хорошо.

Я напряглась.

— Что вы имеете в виду?

Марк поставил чашку и посмотрел на меня в упор. Улыбка исчезла. На мгновение я увидела того самого «оценивающего» специалиста с планерки. Он сократил дистанцию на один шаг. Недостаточно, чтобы я ощутила неловкость, но достаточно, чтобы маска беззаботности спала с моего лица.

— Я имею в виду, — его голос стал тише, опустившись почти до интимного шепота, — что у вас под глазами тени, которые не скрыть никаким консилером. И ваши руки в полном порядке, — он кивнул на мои неподвижно сцепленные пальцы, — но вы сжимаете их так крепко, что костяшки побелели.

Я рефлекторно разжала ладони, проклиная собственную неосмотрительность. А этот Марк оказался намного более наблюдательным, чем другие мои коллеги.

— Простите мой профессиональный цинизм, — мягко продолжил он, — но я вижу человека, который не спал. Причем не просто «не спал», а... очень плохо провел ночь.

Холод — тот самый, из подвала — пробежал у меня по

спине от нехорошего предчувствия.

— Тяжелая ночь? — спросил он.

Я заставила себя посмотреть прямо Марку в глаза. Я должна была вернуть контроль над диалогом.

— Можно и так сказать, — усталая усмешка коснулась моих губ. — Засиделась за статьей для одного научного журнала. Скучная академическая рутина, знаете ли. Дедлайны.

Я отвернулась, беря пластиковый стаканчик для воды и чувствуя его пронзительный взгляд на своем затылке.

— Статья. Ну конечно, — в его голосе прозвучала игри-вость. Он снова улыбался, когда я обернулась. — Звучит... мучительно. Академическая рутина — худший враг живого ума.

Марк подошел еще ближе, снова сокращая дистанцию, и оперся о кулер рядом со мной.

— Вам срочно нужна реабилитация, Вероника. И это, — он кивнул на стаканчик в моей руке, — вам точно не поможет. И даже это, — он указал на кофемашину, — не спасет. Это просто топливо, а вам нужно *удовольствие*.

Я вскинула бровь, хотя сама едва не подавилась воздухом от негодования.

— И что вы предлагаете в качестве терапии, доктор Вольский?

— Я предлагаю худший кофе в городе, — его темные глаза смеялись. — Но, возможно, в лучшей компании. Есть тут одна кофейня за углом, «Алхимия». У них отвратительный

эспрессо, зато божественные фисташковые круассаны. Они как-то компенсируют друг друга.

Я была сбита с толку. Это не входило ни в один протокол.

— Я... на работе, — нашлась я.

— Не сейчас, разумеется, — он рассмеялся, делая шаг назад, возвращая мне столь необходимое пространство. — Я вижу, вам нужно еще дожить до вечера. Но, скажем, сегодня после работы? Или завтра? Я угощаю. Врачебная солидарность. Мы должны спасти друг друга от... — он сделал паузу, и его улыбка стала шире, — ...скучных статей.

Он снова это сделал. Принял мою ложь и тут же показал, что видит ее насквозь, но завернул это во флирт.

— Я подумаю, — выдала я самый нейтральный ответ из всех.

— Отлично, — кивнул он, словно я уже согласилась. — Хорошего дня, Вероника. Постарайтесь не слишком увлекаться наукой сегодня ночью.

Он ушел, оставив меня одну в тихой комнате. Я посмотрела на стаканчик с водой в своей руке, а потом — на кофемашину.

Со мной остался лишь аромат его дорогого парфюма и легкая дрожь в пальцах, которая не имела ничего общего с ночным лесом.

Глава 6. Кофе

Я не знаю, почему согласилась.

Возможно, это было истощение. Возможно, любопытство. Или, что было страшнее всего, простое отчаянное желание, чтобы хоть кто-то посмотрел на меня и увидел не доктора Веронику, а просто женщину.

Мы пересеклись у выхода ровно в шесть. Марк ждал меня. На нем было легкое пальто, небрежно накинутое поверх свитера.

— А я уж думал, статьи победили, — улыбнулся он.

— Я решила, что они подождут, — сухо ответила я.

Кофейня «Алхимия» была полной противоположностью «Гелиоса». Тесная, шумная, пахнувшая не лимонным воском, а жженым кофе, кардамоном и горячей выпечкой. За стойкой бариста с татуировками на руках почти кричал, принимая заказ. Стены были из грубого кирпича, свет — теплый и тусклый.

Здесь не было контроля, но была жизнь. И мне стало жутко неуютно.

— Два эспresso и... — он посмотрел на меня вопросительно. —...И два фисташковых круассана, — закончил он, не дожидаясь ответа. А затем добавил уже мне — Поверьте.

Мы сели за крошечный столик у окна, на который я поставила сумку как барьер между нами.

— Итак, — он поставил передо мной чашку. — Пробуйте. Худший кофе в вашей жизни.

Я сделала глоток и поморщилась. Марк был прав. Кофе оказался кислым и водянистым.

— Ужасно, — констатировала я.

— Точно, — он рассмеялся, и этот смех был первым по-настоящему искренним звуком, что я от него слышала. — А теперь круассан.

Я откусила. Идеально. Хрустящий, маслянистый, с тягучей фисташковой пастой. Баланс восстановлен.

— Ладно, — признала я. — Вы разбираетесь в... компенсаторных механизмах.

— Это моя специальность, — он откинулся на стуле, его поза была открытой, расслабленной. Но внимательные глаза не отрывались от моего лица. — Как и ваша. Я читал вашу статью о работе с ПТСР у жертв насилия. Ту, что была в «Вестнике психиатрии». Вы жестко пишете. Никакой воды. Мне понравилось.

Я напряглась. Он проделал «домашнюю работу».

— Я стараюсь придерживаться фактов.

— Факты — это скучно, Вероника. А вы пишете не скучно. Вы пишете... *зная*. Вы хорошо понимаете механизм страха. Почти... интимно.

Запах хвои. Хруст веток. Я сжала чашку.

— Мы все его понимаем. Это наша работа.

— Нет, — он покачал головой, улыбка стала мягче, про-

фессиональнее. — Мы *изучаем* его. Мы его *классифицируем*. А это другое. Большинство из нас боятся так же, как и наши пациенты. Мы просто прячем это за DSM-5 и протоколами. А вы, — он наклонился чуть ближе, понижая голос, — вы, кажется, не боитесь. Или боитесь так сильно, что научились с этим жить.

Я смотрела на Марка, пытаюсь отыскать скрытую угрозу, но ее не было. Не было того хищного оценивания, что я почувствовала в клинике. Скорее было... понимание. Он говорил на моем языке.

— Мы говорим о методах терапии, — я вернула разговор в профессиональное русло. — Вы сторонник КПТ? Или у вас мюнхенская школа, больше в экзистенциализм?

— Я сторонник того, что работает, — легко ответил он. — Я считаю, что нельзя лечить фобию, просто рассказывая пациенту, что его страх иррационален. Это как говорить утопающему, что воды не существует. Нужно нырнуть вместе с ним.

Нырнуть вместе с ним. Я замерла. Это было близко. Слишком близко к тому, что я делала.

— Это рискованно, — сказала я. — Можно потерять объективность. Стать... соучастником.

— А можно стать спасателем, — парировал он. — Разве не в этом суть? Разве не ради этого мы работаем?

Разговор тек легко. Марк был умен, быстр, он ловил мои мысли на лету и развивал их. Он не пытался меня впечат-

лить, а просто поддерживал каждую мою идею. Я не заметила, как убрала сумку в сторону, как расслабила плечи. Я не чувствовала себя «доктором Вероникой». Я не чувствовала себя загнанным зверем из своих кошмаров.

Я впервые за... я не могла вспомнить, за сколько лет... чувствовала простую, человеческую симпатию.

— У вас был хороший учитель, — сказала я, сама удивляясь своей откровенности. — У вас очень точные формулировки.

— У меня были разные учителя, — уклончиво ответил он. — А у вас? Кто научил вас так... нырять?

Я улыбнулась. На этот раз искренне, вспоминая.

— У меня был ментор, еще в ординатуре. Он был... жесткий. Невероятный циник. Но он единственный, кто видел во мне не просто студентку, а... потенциал. Заставлял копать глубже, не бояться тьмы пациентов.

— Звучит как идеальный наставник, — в его голосе проскользнула странная нотка.

— Он был лучшим. И единственным, кто понимал меня. Я... я ему очень благодарна. Он всегда шутил, что его старые часы отстают, и он вечно опаздывает на встречи с самим собой.

Я отпила остывший кислый кофе, заметив за собой легкую тоску, пришедшую вслед за воспоминаниями о менторе. Словно оставив его, я забыла и частичку себя. Какую-то важную, но неуловимую частичку.

— И когда я получила первую большую премию за научную работу... я подарила ему часы. Хорошие, швейцарские. Он их заслужил.

Я подняла на Марка глаза, ожидая разделить с ним эту теплую память.

Но человек, сидевший напротив, изменился.

Это длилось всего секунду. Улыбка — воздушная и располагающая — застыла, а потом сползла. Его глаза, которые я уже почти привыкла считать теплыми, стали абсолютно холодными. Марк смотрел сквозь меня. Его пальцы, лежавшие на столе, сжались в кулак.

Но все произошло так быстро, что я могла бы списать это на игру света в кофейне.

А потом он моргнул.

Улыбка вернулась, но стала другой — натянутой, искусственной.

— Часы, — повторил он. Голос был ровный, но... пустой. — Это... очень щедрый подарок. Он, должно быть, был вам очень дорог.

— Да, — я медленно кивнула, чувствуя, как холод расплывается от моей груди. Легкость исчезла. — Был.

— Что ж, — сказал Марк, снова возвращая дружелюбную версию себя, — говоря о времени... Мне, к сожалению, пора. Завтра рано вставать.

Он встал, оставил на столе несколько крупных купюр.

— Спасибо за компанию, Вероника. Это было... познава-

тельно.

Марк улыбнулся мне той самой улыбкой, которую я видела на планерке. Идеальный фасад. И ушел.

Я осталась сидеть за столиком. Аромат кардамона и фишашек вдруг стал тошнотворно-сладким.

Глава 7. Интеллектуальная дуэль

Конференц-зал «Гелиоса» был сродни хирургическому отделению больницы. Местом, где мы препарировали чужие умы и, что гораздо чаще, — собственные неудачи.

Я сидела, зажав в руке ручку, как скальпель. Еженедельный консилиум. Ирина Викторовна грозной скалой возвышалась во главе стола, ее очки Cartier поблескивали, отражая экран проектора.

Павел, терапевт из соседнего крыла, заканчивал свой доклад. Случай был сложным и грозил стать тупиковым. Пациент, мужчина сорока лет, страдал от внезапных диссоциативных приступов — он «выключался» из реальности ровно на три минуты, всегда в одно и то же время, в 16:15. Никаких видимых триггеров. Никакой логики.

—...и МРТ чистое, — развел руками Павел, нервно щелкая колпачком ручки. — Фармакотерапия дает нулевой результат. Я склоняюсь к атипичной форме эпилепсии, которую мы просто не можем поймать...

— Ерунда, — мой голос прозвучал ровно и холодно, разрезая гул проектора.

Павел вздрогнул. Ирина Викторовна вопросительно подняла бровь, приглашая продолжить.

— Это не эпилепсия, Павел, — сказала я, открывая свой блокнот. — Это — часы. Пациент не болен, он *пунктуален*.

Это классическая, хотя и глубоко скрытая, реакция на годовщину.

Я просмотрела свои записи.

— Вы сказали, он потерял жену три года назад? Вы проверили время? 16:15. Это не время приступа. Это время *события*. Звонок из больницы. Момент, когда ему сообщили о...

— Я проверял, — перебил меня Павел, слишком поспешно. — Он не помнит, во сколько ему позвонили. Он вообще плохо помнит тот день.

— Разумеется, — отрезала я. — Это называется вытеснение. Мозг защищается. А тело помнит. В 16:15 его тело бьет в набат, напоминая о травме, которую сознание отказывается признавать. Вам нужно копаться не в результатах МРТ, а в расписании того дня. Поминутном.

В комнате повисла тишина. Моя гипотеза была точной, клинически выверенной и, скорее всего, верной. Я была «золотым специалистом». Я видела паттерны. Ирина Викторовна едва заметно кивнула, принимая мою правоту.

— Элегантная теория, Вероника Андреевна, — раздался вдруг голос.

Марк.

Я повернула к нему голову, но он смотрел не на меня, а на экран проектора, где застыла карта пациента. Его игривость, та, что была в «Алхимии», исчезла. Марк превратился в скрупулезного специалиста с цепким взглядом, которому так радовалась Ирина Викторовна.

— Очень элегантная, — повторил он. — Но, возможно, неверная.

Павел посмотрел на него с надеждой, я — с холодным раздражением.

— Что вы имеете в виду, доктор Вольский? — спросила Ирина Викторовна.

— Я согласен с Вероникой Андреевной, — сказал Марк, не поворачивая головы. — Дело в травме. Но я не думаю, что тело «помнит» *время*. Тело помнит *триггер*. Он наконец повернулся и посмотрел не на меня, а на Павла. — Вы сказали, приступы начались три месяца назад? Не три года назад, в день смерти, а именно три месяца?

— Д-да, — кивнул Павел.

— Что изменилось в его жизни три месяца назад?

— Ничего. Он... он переехал в новый офис. Другой этаж. Вот и все.

Марк хищно улыбнулся, как хирург, который только что нашел абсцесс.

— 16:15, — сказал он. — Что происходит в его новом офисе в 16:15?

Павел моргнул.

— Я... я не знаю.

— Узнайте, — голос Марка стал тише, но тверже. — Может быть, в 16:15 мимо его кабинета проезжает тележка уборщицы. И скрип ее колеса в точности повторяет звук больничной каталки, на которой везли его жену. Или звонок

внутреннего телефона, которым его вызвали к начальству, чтобы сообщить... — Он сделал паузу. — Вы ищете внутренние часы, Вероника. А я бы поискал внешний будильник. Травма не живет в вакууме. Она всегда цепляется за якорь. За запах. За скрип. За свет.

Марк замолчал. Звонящая тишина в комнате накаляла нервы. Но я не могла не признать: если моя теория была хороша, то его — гениальна. Она была глубже, тоньше, связывала воедино все нестыковки: и время, и трехмесячную задержку, и переезд. Марк не просто проанализировал, а *почувствовал* механизм.

Ирина Викторовна сняла очки и медленно протерла их.
— Превосходно, — сказала она. — Просто превосходно, Марк. Павел, проверьте гипотезу доктора Вольского. Консилиум окончен.

Доктора зашуршали бумагами, задвигали стульями, потянулись к выходу, обсуждая услышанное. Я осталась сидеть, ошеломленная своей легкомысленностью. Я недооценила Марка. Жестоко недооценила. Я видела в нем лишь красивый фасад, мужчину, который очаровывает легким флиртом и сладкой улыбкой. А он оказался...

Марк подошел ко мне, пока я собирала свои бумаги в папку.

— Твой анализ был точным, — сказал он тихо, без тени триумфа.

Я подняла на него глаза. Марк стоял близко, и от него пах-

ло не только парфюмом, но и той странной, чистой энергией работающего мозга.

— Твой был лучше, — признала я сухим голосом.

— Просто другой угол зрения, — он пожал плечами. — Ты смотришь на «что», я смотрю на «как». Мы бы отлично сработались.

Марк улыбнулся теплой, почти застенчивой улыбкой человека, который нашел родственную душу.

— Хорошего дня, Вероника.

Он ушел, оставив меня одну в пустом зале. Я смотрела ему вслед, пытаюсь подавить вспышку раздражения. Не на него, а на себя. Этот человек оказался не просто обаятельным ловеласом, а блестящим профессионалом, равным мне и моему эго.

Глава 8. Перерыв

Третью ночь подряд я не закрывала шторы.

За окном стояли неподвижные окна соседних домов, черные прямоугольники с редкими точками света. Свет фонарей отражался в стекле, расчерчивая мой кабинет бледными линиями. В них медленно кружилась пыль.

Я сидела в глубоком кресле — не в том, что предназначалось для «погружений», а в том, что стояло у стола. Кожа кресла приятно холодила сквозь тонкую ткань домашней рубашки. Руки согревала чашка чая, а на языке тлел горьковатый травяной привкус. Пар поднимался тонкими струйками, цеплялся за ресницы и исчезал.

Диктофон, камень-якорь и фитнес-браслет лежали на полке. Метроном молчал. Комната дышала тишиной — плотной, вязкой, почти живой. Только редкие щелчки от батареи напоминали, что мир все еще существует.

Я не писала.

После «Леса» что-то во мне выгорело. Последние сессии оказались слишком... глубокими. Фантомные запахи и ощущения липкой паутины, казалось, въелись в кожу, и я отмывала их три дня. Вода не помогала — казалось, чем дольше я стою под душем, тем сильнее запах хвои врастает в поры.

Мое тело, мой мозг — весь мой отлаженный механизм взбунтовался. Он отказывался снова нырять в этот ледяной

колодец первобытного страха.

Я взяла паузу. Я просто спала, ела, ходила в клинику и восстанавливалась. Я снова варила овсянку по утрам, делала кофе, смотрела новости без интереса. Ритуалы, которые раньше давали ощущение структуры, теперь казались бессмысленным шумом.

Но тишина в голове была для меня непривычной. Пустота, не занятая страхом, быстро заполнилась другим.

Марк.

Я прокручивала наш разговор в «Алхимии» снова и снова. Его легкая усмешка. Его пронизательность. То, как он видел меня под тщательно сконструированной маской.
И его внезапная перемена.

Я анализировала это с профессиональной точки зрения. Мой рассказ о наставнике и часах. Его реакция. Застывшая улыбка, холод в глазах, сжатый кулак. Это был классический триггер. Неконтролируемая реакция на что-то из его прошлого. Я даже мысленно расписала возможные гипотезы — травматический паттерн, перенос, защита...

Но профессиональный анализ тонул в другом, совершенно иррациональном чувстве.

Он был умен, он был крутым специалистом — наш консилиум в конференц-зале это доказал. И он мне нравился.

Эта мысль была почти такой же пугающей, как скрип за сова в подвале. Я не позволяла себе погружаться в подобное чувство уже не помню сколько лет.

Но как же мне было тепло...

Тепло не физически — где-то глубоко внутри, там, где обычно прятался мой страх.

Я поймала себя на том, что утром, собираясь в «Гелиос», дольше обычного выбирала блузку. Ткань шелестела в пальцах, как будто я выбирала не одежду, а роль. Я заметила, что мой взгляд в коридорах клиники ищет небрежную каштановую прическу. Мы обменивались кивками. Марк улыбался мне, и эта улыбка, эта новая, хрупкая возможность чего-то реального делала мои ночные ритуалы... бессмысленными.

Зачем мне выдуманный ужас, когда настоящая жизнь вдруг стала такой... интригующей?

Я была почти окрылена.

Тело стало легким, походка изменилась — меньше тени, больше воздуха. Даже пациенты замечали: «Вы сегодня другая, доктор».

А я просто улыбалась.

Тряхнув головой, я вернулась в реальность, сделала еще один глоток чая и разбудила ноутбук. Экран вспыхнул холодным светом, отразив бледное лицо с усталыми, но уже не такими пустыми глазами.

Открыла «ЛитСтраницы».

Там меня ждала другая сторона затишья. Под главой «Лес» восторг сменился негодованием.

User_44: *«Четвертый день без прод. Автор, вы где???»*

HorrorFan_1: *«Я проверяю страницу каждые три часа. У*

меня ломка. Это нечестно, так обрывать».

Koshka_V_Teni: «Автор, с вами все в порядке? Мы волнуемся. И ждем. Пожалуйста, напишите хоть что-нибудь...»

Пятьдесят семь комментариев. И последние сорок были вариацией одного и того же: «Где?». «Когда?». «Нам нужно».

Они заполнили экран, будто настойчивые голоса из темноты, зовущие меня обратно.

Мои читатели. Мои... последователи. Они нервничали и голодали.

Я почувствовала знакомый укол тщеславия — моего личного наркотика. Он был острым, приятным, как игла под кожу.

Они нуждались во мне. Они ждали своей дозы.

Я посмотрела на пустой документ. «Глава 25. ...» Потом — на диктофон, лежавший на полке. Он поджидал меня будто зверь, готовый в любой момент выскочить из-за угла. Тихо. Терпеливо.

Желание вернуться к ритуалу, дать им то, чего они просят, снова почувствовать этот прилив эйфории... боролось с новым, теплым чувством, которое пахло не гнилыми яблоками, а жженым кофе и фисташками.

Я закрыла ноутбук.

Комната снова погрузилась в мягкий полумрак.

На дне чашки остался осадок, тонкий, зеленовато-коричневый. Я смотрела, как в нем отражаются огоньки города, и думала, что, может быть, впервые за долгое время не хочу

спускаться вниз — в темноту.

Пусть ночь пройдет без ритуала. Пусть тишина останется живой.

Глава 9. Голод

Затишье длилось ровно четыре дня.

Четыре дня, когда я пила ромашковый чай и почти убеждала себя в том, что мне достаточно тепла от фисташкового круассана.

Комната по вечерам пахла травами и медом, чай остывал слишком быстро, оставляя на стенках чашки мутные следы. За окном моросил мелкий дождь, и город казался размытым — будто я смотрела на него через стекло аквариума.

На пятое утро, за чашкой крепкого черного кофе, я снова открыла ноутбук.

Горечь напитка будто вернула меня к жизни. Кофе был обжигающим, как пощечина. Экран вспыхнул холодным светом, и я ощутила, как сердце, долго спавшее под ватным одеялом нежности и уюта, снова сделало первый резкий удар.

Комментариев на «ЛитСтраницах» под главой «Лес» стало еще больше.

Мои восторженные HorrorFan_1 и Koshka_V_Tenі все еще были со мной, но их голоса тонули.

Они тонули в одном-единственном сообщении от нового пользователя.

Nocturne_Fan: *«Перечитал «Подвал». Потом «Лес». Автор, вы сдулись. «Подвал» — это сырое мясо. Настоящий, животный страх. «Лес» — это... описание. Красивое, да.*

Атмосферное. Но вы там не были. Вы стоите на опушке и описываете темноту. А в «Подвале» вы были в нем. Теряете хватку. Страх выдыхается. Или вы просто боитесь идти дальше?»

Я перечитала сообщение. Снова. И снова.

Курсор мигал в тишине, как маленький маяк на пустынном берегу. Комната вдруг стала тесной, воздух — вязким. Холод — не тот, из подвала, а другой — колючий и злой, пополз по моим рукам. Кожа покрылась мурашками, пальцы сжались вокруг кружки. Комментатор был прав.

«Лес» вышел слабее.

Я восстанавливалась после «Подвала», и мое второе погружение было неглубоким. Я коснулась страха, но не дала ему себя схватить. Я была осторожна.

И Nocturne_Fan: это почувствовал. Он, черт возьми, это почувствовал!

Я открыла пустой документ. «Глава 25. Овраг».

Экран снова ослепительно белый, безжалостный.

Лес был только началом. Теперь я планировала нырнуть глубже. Туда, где сыро и пахнет илом. Туда, где что-то ждет. От одной мысли по спине пробежал тонкий холодок, но губы уже дрогнули в полуулыбке.

Решено! Я проведу сеанс сегодня вечером.

Перед подготовкой к ритуалу я снова вспомнила своего ментора. Его главное правило, которое он вбивал в меня с первого дня ординатуры, касалось не якорей и не скриптов,

а «точки входа».

«Никогда не бросай пациента в эпицентр травмы, Вероника, — говорил он мне после особенно тяжелого сеанса с ветераном. — Психика этого не прощает. Ты не фокусник и не можешь просто щелкнуть пальцами и переместить его в кошмар. Ты должна его провести. Должна создать переход. Буферную зону».

Я ясно вспомнила тот кабинет — желтоватый свет настольной лампы, заботливые глаза ментора, его руки, спокойно сложенные на папке с записями. Его голос был ровным, без укора, но в нем звучала тревога, как тихий звон колокольчика.

Он называл это «Правилом прихожей».

«Прежде чем войти в горящий дом, ты должна провести его через парадную дверь, — объяснял он. — Он должен сам повернуть ручку. Должен сделать первый шаг из 'безопасного' в 'опасное'. Это дает ему иллюзию контроля. И, что важнее, создает обратный путь. Он будет знать, как выйти — через ту же дверь».

Я в очередной раз мысленно поблагодарила своего наставника.

Это было единственное правило, которое я никогда не нарушала. В этом и крылся весь секрет. Я не просто погружалась в ужас. Я входила в него.

«Подвал» начался не в темноте — мой скрипт начинался с того, как я бегу по коридору и ищу дверь. «Лес» начался

на дороге, с которой я сворачиваю на тропинку.

Мой якорь-камень, мой фитнес-браслет, мой таймер на «Алисе» — все это были аварийные выходы.

Но «Правило прихожей» оставалось главным путем. Оно не давало мне сойти с ума. Оно было той тонкой нитью, что отделяла контролируемый эксперимент от настоящего психоза.

Я начала печатать новый скрипт. «Овраг». Клавиши отбивали ровный ритм, похожий на биение сердца.

Он начинался ровно там, где закончился «Лес».

«...ты бежишь. Ветки хлещут по лицу. Хруст за спиной становится громче, он не отстает. Ты видишь просвет впереди, но это не опушка. Земля уходит из-под ног. Ты скользишь. Ты скользишь вниз, цепляясь за корни, и земля осыпается. Ты падаешь на дно оврага...»

Да. Вот так. Я войду через эту дверь.

Экран мерцал, отражаясь в моих глазах, как зеркало, в котором уже маячила тьма.

Я посмотрела на комментарий Nocturne_Fan.

«Или вы просто боитесь идти дальше?»

Сегодня вечером, подумала я, закрывая ноутбук, я докажу, что не боюсь.

Щелчок крышки отозвался в тишине как выстрел.

Глава 10. Две жизни

Щелчок замка. Я повернула ключ в двери кабинета. 18:01.

Маска доктора Вероники была на месте, но я чувствовала, как она трещит по швам.

День оказался невероятно длинным. Свет в коридорах уже начал гаснуть, оставляя в воздухе чуть сладковатый запах воска и антисептика.
Я слушала чужие страхи, кивала, выписывала рецепты и раздавала якоря — «Стены вас защищают», «Дышите со мной». И все это время на задворках сознания, под профессиональной улыбкой, зрел скрипт.

«...ты скользишь. Ноги вязнут в мокрой глине».

Я вышла в тихий коридор «Гелиоса» и нажала кнопку лифта. Монотонное гудение ламп над головой казалось слишком громким. Воздух дрожал от усталости и вечерней тишины.

— Решили сегодня уйти вовремя?

Его голос — глубокий, бархатистый, теперь такой узнаваемый.

Я чуть вздрогнула, прежде чем обернуться.

Марк стоял, прислонившись к стене, в нескольких шагах от меня. Свет падал на него так, что его волосы казались чуть светлее, чем обычно. Он улыбался — та самая легкая улыбка, которая больше не казалась глянцевой. После нашего разговора в «Алхимии» она выглядела... теплой и понимающей.

— Даже у меня бывает время для отдыха, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Он чуть приподнял бровь, как будто не до конца поверил.

— Неужели? — он подошел ближе, обдавая меня ароматом резкого парфюма. В нем слышались горькие ноты ветивера и пряный аккорд табака. — А я уж было подумал, что вы снова спешите... к своим статьям.

Он сказал это мягко, игриво. Он помнил мою ложь и беззастенчиво дразнил ей.

— Я решила, что они подождут, — сказала я, используя ту же отговорку, что и в прошлый раз.

— Отличное решение, — он наклонил голову. Его ореховые глаза внимательно изучали мое лицо. — Я как раз собирался предложить реабилитацию после рабочего дня. «Алхимия» завезла новый десерт. Что-то с лавандой. Звучит достаточно... терапевтично, как по-вашему?

Я усмехнулась краем губ, стараясь не выдать, что от его близости у меня участился пульс.

— С лавандой? — переспросила я. — Это звучит скорее как метод ароматерапии, чем как десерт.

Он тихо рассмеялся.

— Тогда считайте, что я назначаю вам сеанс расслабления. Только вы, кофе и немного сахара.

— Вы умеете уговаривать, — сказала я, и это прозвучало мягче, чем я хотела.

— Это профессиональное искажение, — легко ответил

он, глядя прямо в глаза. — Мы же оба этим страдаем, правда?

Я почувствовала, как в груди что-то болезненно сжалось. Марк говорил спокойно, даже шутливо, но за этим проскальзывало другое — внимательность, почти осторожность. Как будто он пытался понять, насколько близко можно подойти.

Лифт приехал. Двери со сдержанным шипением открылись, приглашая меня в освещенный бокс. В мою личную, безопасную «коробку».

Я посмотрела на Марка. На его улыбку. На то, как он стоял, не нарушая моих границ, но всем своим видом излучая... приглашение.

Он чуть склонил голову набок.

— Вы слишком серьезны, Вероника. Иногда полезно... просто позволить себе быть. Без наблюдений или анализа, — он сделал паузу. — В конце концов, даже врачи должны отдыхать.

— Может быть, — ответила я, стараясь удержать ровный тон. — Но я предпочитаю отдыхать в одиночестве.

— Опасная привычка, — усмехнулся он, но взгляд остался серьезным. — В одиночестве мысли звучат слишком громко.

Эти слова ударили сильнее, чем я ожидала. Он будто невзначай коснулся чего-то важного, того, что я прятала за слоями самообладания.

И впервые за много лет я захотела сказать «да». Хотела

пойти в эту тесную, шумную кофейню. Хотела пить отвратительный кофе и говорить о методах терапии. Хотела, чтобы он снова так на меня смотрел, словно я — не сложный случай, не «золотой специалист», а просто... интересная женщина.

Но в моей сумке лежал диктофон. На запястье — браслет, ждущий своего часа. А дома — овраг.

— Я... — я сделала шаг к лифту. — У меня сегодня планы. Я не смогла посмотреть ему в глаза.

— Планы, — медленно повторил он, но в его голосе не прозвучало обиды. — Понимаю.

Он немного помолчал, словно что-то взвешивая.

— Тогда, может быть, в другой раз? — спросил он чуть тише, почти неуверенно.

Я уже стояла в лифте.

— Посмотрим, — ответила я. — Все зависит от расписания.

— Вашего, — он чуть улыбнулся, — или ваших статей?

Я невольно улыбнулась в ответ, впервые по-настоящему.

— Обеих сторон, — сказала я и сделала шаг назад.

Я вошла в лифт.

— Что ж, в таком случае, — он шагнул к двери, не давая ей закрыться, и протянул руку, чтобы нажать кнопку первого этажа. — Хорошего вечера, Вероника.

Его пальцы на мгновение задержались на панели.

— И... — он поднял на меня взгляд. Улыбка исчезла, оста-

лась только эта пугающая, интимная пронизательность. — Будьте осторожны. Со своими планами.

Двери лифта закрылись, отсекая его взгляд.

Я осталась одна. Вниз, в холл, к выходу. Я ехала и чувствовала себя... виноватой. Словно только что солгала не просто коллеге, а кому-то близкому.

Внимание Марка было приятным, теплым и настоящим. Оно пахло фисташками, кардамоном и жизнью. А то, куда ехала я, было не совсем жизнью, скорее спектаклем. Секретным. Холодным. Он пах гнилыми яблоками, сырой хвоей, а очень скоро станет пахнуть еще илом и тиной.

Я вышла из клиники на вечернюю улицу.

Теплый, живой Марк и его приглашение на кофе казались чем-то из одного мира.

А голодный Nocturne_Fan и скрипт в моей сумке — из другого.

И сегодня вечером я снова выбрала второй.

Глава 11. Овраг

Тук... Тук...

Кабинет исчез. Тяжелая ткань штор, запах моего дома, велюр под пальцами — все растворилось под ровные удары метронома.

Тук...

Я сжала в ладони холодный камень-якорь.

Тук...

Я нажала «Play».

Мой собственный голос, ровный и глубокий, полился в темноту, становясь реальностью. «...ты бежишь. Ветки хлещут по лицу».

Я почувствовала это. Резкий, мокрый удар по щеке. Холодная вода брызнула на кожу. Воздух был густым, пахнущим прелой листвой и сыростью. Это был мой лес, но теперь он казался другим. Враждебным.

«Хруст за спиной становится громче, Он не отстает. Он не торопится. Он просто... идет. С той же скоростью, что и ты».

Я бежала. Сердце колотилось в горле, но не так, как в «Подвале». На этот раз мной владела не паника, а азарт. Адреналин. Я чувствовала, как напрягаются мышцы, как горит в легких ледяной воздух. То, что нужно, чтобы привести Nocturne_Fan в восторг.

Я мчалась сквозь колючие кусты, зная, что впереди. «При-

хожая».

«...ты видишь просвет впереди, но это не опушка. Земля уходит из-под ног».

Я выскочила на край. Иллюзия контроля, о которой говорил мой ментор, испарилась. Мой скрипт толкнул меня в спину.

«...ты скользишь. Ты скользишь вниз, цепляясь за корни, и земля осыпается. Ты падаешь на дно оврага...»

Я почувствовала тошнотворное ощущение падения. Секунда невесомости, а потом — удар. О что-то мягкое, вязкое, засасывающее. Я упала, обдирая колени и руки в кровь. Ладони погрузились в мокрую холодную глину. Она пахла тиной и чем-то еще. Чем-то... мертвым.

Я была на дне.

Стены оврага уходили отвесно вверх, теряясь в тумане. Я попала в ловушку. Идеально!

«...и ты слышишь не хруст веток. Ты слышишь, как что-то дышит».

Вот он. Главный триггер. Я замерла, прислушиваясь.

Хххх... шшшш...

Влажный, тяжелый, kloкочущий звук. Он был совсем рядом. В тумане, в нескольких метрах от меня. Все шло по сценарию. Страх был идеальным, выверенным.

Хххх... шшшш...

Оно двигалось. Оно шло ко мне.

Я медленно повернула голову, готовясь...

И в этот момент, на самом краю моего зрения, что-то пошевелилось.

Я замерла.

Это было не то, что дышало. Дыхание было внизу, со мной, в глине. А это другое было *наверху*. На краю оврага, там, откуда я только что упала.

Я скосила глаза, не смея пошевелиться.

Между двух сосен, что-то мелькнуло. Не туман. Не ветка. Движение слишком быстрое, чтобы его можно было идентифицировать. Словно тень метнулась от одного ствола к другому.

Этого не было в скрипте.

Мой ментор никогда не говорил, что делать, если в «горящий дом» войдет кто-то еще.

Xxxx... иииии...

Дыхание за спиной приблизилось. Мой собственный, созданный мной ужас шел за мной, требуя моего внимания. Он был главным актером в этом театре.

Но я не могла оторвать взгляд от края оврага.

Снова!

Быстрый, как сбой в матрице, рывок. Размытая тень. Она не спускалась, но... наблюдала.

Холод. Совершенно другой, не тот, что от глины. Этот холод шел изнутри. Мой ритуал был нарушен. В моем контролируемом кошмаре появился незванный гость.

Мой голос в диктофоне продолжал что-то говорить.

«...оно сейчас коснется твоей спины...»

Но мне было все равно. Я больше не боялась того, что дышит в тумане. Я до ужаса боялась того, что смотрит на меня сверху.

Того, чего я не создавала.

Глава 12. Сбой

Я смотрела на край оврага.

Под ногами земля была темно-серая, влажная, как кожа под ногтями мертвеца. Сырой запах глины и прелых корней щекотал ноздри.

Xxxx... иииии...

Дыхание моего монстра, порожденного скриптом, становилось громче у меня за спиной. Оно было хриплым, будто ветер, заблудившийся в заброшенном колодце. Оно хотело, чтобы я обернулась, чтобы признала его главной звездой этого шоу.

Но я не могла.

Я смотрела на тень — нечто невероятно быстрое, плотное, с осязаемым присутствием, метнувшееся между соснами. Воздух дрожал, как перед грозой. Этого не должно было быть.

Я — автор. Я — режиссер. Я — бог этого маленького, выверенного ада. И в моем мире не бывает незваных гостей.

Тень мелькнула снова. На этот раз она не просто пробежала, а остановилась на долю секунды. Словно посмотрела прямо на меня. Словно знала, что я ее вижу.

Холодный комок подкатил к горлу. Я задрожала от охватившего меня холода. Чистый, первобытный ужас потери контроля завладел моим сознанием.

Я дернулась, но тут же вспомнила, что оказалась в ловушке.

Мое тело в видении по колено застряло в вязкой, засыхающей глине — каждая попытка вырваться сопровождалась влажным чавкающим звуком, словно сама земля не хотела меня отпускать.

Тем временем мое тело в реальности сидело в кресле, расслабленное и безвольное.

«Проснись!»

Я попыталась открыть глаза. Но веки налились свинцом. Мой собственный голос из диктофона — мой «инструмент» — вдруг стал чужим, вкрадчивым, он удерживал меня, он лгал: *«...ты не можешь пошевелиться... ты в опасности... страх — это то, что ты ищешь...»*

Нет!

Я боролась с собственными командами. Моя профессиональная индукция стала клеткой.

«Якорь», — мысль прострелила голову.

Я была там, по колено в глине, и одновременно здесь, в своем кресле. Пространства переплелись, и мне показалось, что стены кабинета дышат вместе с лесом.

Я вцепилась в это «здесь».

Я попыталась сжать правую руку в реальности. Но в трансе эта рука была по локоть в ледяной грязи. Глина казалась живой, цепкой, и между пальцами хрустели крошечные камни.

Я не чувствовала якоря. Я не чувствовала своей руки. Я чувствовала только холодную, вязкую глину, которая тянула меня вниз, в то время как *то*, наверху, просто... смотрело.

Паника. Настоящая. Не та, которой я упивалась. Не чистый адреналин для Nocturne_Fan. Это была грязная, липкая, тошнотворная паника утопающего. Паника пойманного в клетку животного, которое видит, как снаружи стоит охотник.

Тук... Тук...

Я вслушалась.

Тук... Тук...

Звук существовал. Но далеко.

Он тонул. Его заглушало *Xxxx... иииии...* у самого уха и оглушительный взгляд *того*, на краю оврага.

Тук... Тук...

Мир раскололся.

Запах тины боролся с запахом пыли в моей комнате. Воздух был плотным, влажным, как пар от дыхания чудовища.

Xxxx... иииии... тонуло в *Тук... Тук...*

Я приказала своим реальным легким вдохнуть.

Я приказала своим реальным пальцам сжаться.

Я дернулась.

Резко, с хрустом. Словно что-то разорвалось.

Мир покачнулся. Я закричала, издав рваный, судорожный, похожий на визг вдох.

Я сидела в кресле.

В бархатной темноте своего кабинета.

Тишина.

Абсолютная, бесхарактерная тишина моего кабинета. Никакого БЗЗЗЗЗТ!. Никакого бесстрастного голоса «Алисы».

Будильник еще не сработал.

Я вырвалась сама.

Я вцепилась в подлокотники.

Пальцы болели. Ногти впились в велюр.

Я сидела в темноте, вся в холодном поту. Шелковая пижама прилипла к спине и груди. Сердце билось не просто быстро — оно билось неправильно, пропуская удары, спотыкаясь, как будто пыталось вырваться из грудной клетки.

Я разжала пальцы. Камень-якорь был скользким от моего пота. Он вывалился из ослабевшей ладони и с глухим стуком упал на ковер.

Тишина проглотила этот звук.

Я посмотрела на браслет. Пульс 132.

Он не достиг порога в 140. Аварийный выход не сработал бы.

— Это... это просто выдумка моего мозга. Перегрузка, — прошептала я в темноту. Голос дрожал. — Сбой. Усталость.

Темнота казалась вязкой, как дым. Она двигалась, пока я говорила.

Я заставила свой мозг работать. Рационализировать. Немедленно.

«Усталость. Просто сильная усталость».

Я кивала сама себе в темноте, как будто убеждала пациента.

«Мозг перегружен. Я слишком много работала, давление от Nocturne_Fan, этот... Марк... Психика просто... додумала детали. Импровизация. Естественный процесс».

Это был просто сбой. Галлюцинация внутри галлюцинации.

Я сделала глубокий вдох. Потом еще один. Воздух казался тяжелым, как в закрытой банке, пахнувшей пылью и металлом.

Я заземлялась.

«Это даже к лучшему», — эта мысль стала спасательным кругом.

«Тень на краю. Наблюдатель. Это... это гениально. Это новый уровень. Не просто монстр, который дышит за спиной, а то, что наблюдает за тобой, пока монстр тебя убивает».

Да. Это было оно — вдохновение.

И я обязательно добавлю это в книгу, как только соберу себя по кусочкам.

Я нащупала на столике выключатель лампы, но рука дрожала так сильно, что я промахнулась.

Пальцы скользнули по прохладному металлу, и от этого простого прикосновения по коже побежали мурашки.

Я сжала руку в кулак, но снова опустила ее на колени.

Я сидела в темноте еще долго, не решаясь включить свет, и ждала, когда будильник «Алисы» наконец сработает.

Тишина вокруг была почти живая. И где-то под ней — едва уловимое эхо:

Xxxx... шшшш...

Глава 13. Шкала F

Остаток ночи я провела в попытках вернуть контроль.

Я мыла посуду, протирала влажной тряпкой все поверхности в кабинете, переставляла книги, выдумывая для них новый порядок. Я заварила три чашки разного чая, но выбрасывала каждую, едва пригубив — все они отдавали тиной.

Я пыталась отмыть от себя этот липкий, вязкий страх. Но дело было не в страхе. Страх я знала. Я его коллекционировала.

Дело было в *сбое*.

В моем идеальном, выверенном, стерильном эксперименте завелся вирус. В моем коде появилась переменная, которую я не объявляла.

Тень на краю оврага. Наблюдатель.

В пять утра, когда город за окном начал приобретать грязный синеватый оттенок, я села за стол. Кофе обжигал, но не бодрил. Руки едва заметно дрожали, и это бесило меня сильнее, чем воспоминание о хриплом дыхании за спиной.

Я открыла базу данных «Пси-Архива» и университетскую библиотеку.

Как профессионал, я не могла позволить себе роскошь «просто испугаться». Я должна была проанализировать, классифицировать и обезвредить.

Я начала с основ. То, что я пережила, не было стандарт-

ной гипнотической регрессией. Это была контролируемая индукция сценарного сна.

«Спонтанное возникновение галлюцинаторных образов, не заложенных в скрипт индукции».

Я вбивала в поиск вариации этой фразы, и литература отвечала мне снисходительным молчанием.

Все источники — от Фрейда до современных исследований по Эриксоновскому гипнозу — были согласны в одном: подсознание не творит из ничего. *Ex nihilo nihil fit*.

Любой образ, любой звук, любой «незванный гость» в трансе — это всегда проекция.

Я открыла монографию своего ментора «По ту сторону якоря». Он писал: «Пациент может увидеть красную дверь там, где вы ее не описывали. Это не мистика. Это значит, что красная дверь — это неинтегрированный подсознательный материал. Это может быть криптомнезия — забытое воспоминание. Или символ вытесненной травмы. Задача терапевта — не пугаться двери, а спросить, куда она ведет».

Получается, если эта тень — «неинтегрированный материал», то это *мой* материал. Хм.

Я пролистала десятки страниц. Диссоциативные фрагменты. Защитные механизмы, создающие «наблюдателя» (субличность), чтобы отделить эго от травматического опыта. Перегрузка сенсорных каналов.

Все это сводилось к одному: тень на краю оврага рождена мной же.

Теория первая: Переутомление.

Самая простая и безопасная. Я устала. Я плохо спала, разрывалась между клиником и ночными ритуалами. Давление от Nocturne_Fan, требующего «мяса». Неожиданное, отвлекающее появление Марка. Моя психика просто... устала. И в момент пиковой нагрузки выдала артефакт. Сбой, порожденный стрессом. Эта тень — просто метафора моего страха «потерять хватку», страха, что за мной наблюдают (читатели? Марк?) и *оценивают* меня.

Это была логичная, профессиональная и очень удобная теория.

Но была и вторая: Декомпенсация.

Я играла с огнем слишком долго. Я намеренно раскачивала собственную психику, погружаясь в первобытный ужас. Я делала то, что мой ментор строжайше запрещал — я ныряла без страховки, снова и снова.

Что, если «Правило прихожей» дало сбой? Что, если я не просто открывала дверь в подвал, а *сломала* ее?

Тень на краю оврага — это не проекция. Это... начало. Первый признак того, что контролируемый психоз перестал быть контролируемым. Первый вестник надвигающегося безумия.

Я посмотрела на свои руки. Они больше не дрожали. Я посмотрела в зеркало. Отражение было четким, уставшим, но моим.

«Я не схожу с ума», — сказала я вслух. Голос прозвучал

ровно.

Но я была психотерапевтом. Я знала, что люди, которые начинают сходить с ума, — последние, кто это замечает.

Мне нужны были объективные данные.

Я закрыла книги и открыла папку «Диагностика» на своем ноутбуке.

Если я не могу доверять своему восприятию, я буду доверять статистике.

Я запустила стандартизированный тест. СМИЛ — наша адаптация ММРІ. Пятьсот шестьдесят шесть вопросов.

Я отвечала на них механически, с холодной отстраненностью хирурга, который оперирует сам себя.

«Я часто просыпаюсь по ночам». *Да.* «Мои руки и ноги часто бывают холодными». *Да.* «Временами мне кажется, что я ни на что не гожусь». *Нет.* «Мне кажется, за мной следят». ...

Я замерла на этом вопросе. В ушах на секунду возникло эхо: *Xxxx... иииии...*

Я нажала «Нет». Я — автор. За мной не следят. Это я наблюдаю.

Через час бездушная программа выстроила график моего «Я».

Я смотрела на ломаную линию профиля, и по спине полз холод. Я была в норме. Точнее, в «условной норме».

Шкалы «большой тройки» — шизофрения, паранойя, депрессия — были в пределах допустимого. Никаких признаков психоза. Никакой декомпенсации.

Зато шкала Pt (Психастения), отвечающая за тревожность, улетела в потолок. Рядом с ней подскочили шкалы «Ипохондрии» и «Истерии» — классический «невротический» V-образный профиль.

И главное — шкала F. Шкала достоверности. Она была низкой. Это означало, что я не лгала. Я не пыталась симулировать. Я отвечала честно.

Тест подтвердил первую теорию — я не схожу с ума. Я просто нахожусь в состоянии чудовищного, запредельного стресса и тревоги. Мой организм сигнализирует «SOS».

Я должна была почувствовать облегчение. Диагноз поставлен. Я здорова. Я просто устала. Но облегчения не пришло.

Потому что если я абсолютно здорова... Если я не сумасшедшая...

То *что*, черт возьми, я видела на краю оврага?

Глава 14. Темный лес

Я не писала.

После той ночи в «Овраге» я даже не прикасалась к диктофону.

Он лежал в ящике стола, под пачкой бумаг, но я знала, что он там. Иногда ночью, когда квартира затихала, мне казалось, что я слышу тихий неразборчивый треск — как будто диктофон что-то записывает сам по себе.

Сбой сломал что-то во мне. Я ходила в клинику, работала с пациентами, пила отвратительный кофе в «Алхимии» (на этот раз одна), но двигалась скорее на автомате.

Каждое утро начиналось одинаково: душ, зеркало, отглаженный костюм, стерильный запах антисептика. В отражении — усталое лицо с тусклыми глазами. Когда я шла по коридорам «Гелиоса», пол под ногами звенел от шагов, а стены отражали эхо, делая его чуть громче, чем следовало.

Коллеги улыбались. Я кивала, не слыша, что мне говорят. Все стало смазанным, словно я смотрела на мир через запотевшее стекло.

Я чувствовала себя так, словно вышла из ледяной воды и никак не могла согреться, сколькими бы пледами и обогревателями не обложились вокруг. Пальцы мерзли даже под перчатками. Иногда я ловила себя на том, что пытаюсь растереть руки, будто к ним все еще липла глина.

Я сидела в комнате отдыха «Гелиоса» с чашкой остывающего чая. Наступило время обеда, а я просто смотрела в стену.

Комната пахла хлоркой и кофе. Лампа под потолком жужжала тонко, будто комар возле уха. Тишина давила. В окне отражалась часть стены — белая, безликая, и от этого казалось, будто их две. Две стены, которые надвигаются на меня, грозя задавить.

Маска доктора Вероники сегодня была особенно тонкой, почти прозрачной. Я чувствовала, как дрожат пальцы, вцепившиеся в кружку, как в последнюю ниточку, связывающую меня с нормальностью.

— Если вы продолжите так смотреть на эту стену, Вероника, боюсь, она не выдержит и признается во всех грехах.

Марк.

Он появился, как всегда, неожиданно. Его голос был слишком ярким, слишком теплый для этого стерильного пространства.

Марк сел напротив с тарелкой овощного салата. Сегодня он выглядел особенно... живым. Отдохнувшим. Что резко контрастировало с моим состоянием.

Я почувствовала запах свежей зелени и уксуса — резкий, земной, будто напоминание о нормальности, к которой я сегодня не принадлежала.

— Просто задумалась, — я заторможено моргнула и заставила себя посмотреть на него.

— Задумалась, — хмыкнул Марк, подцепив вилкой лист салата. — По-моему, вы пытались испепелить ее взглядом. Тяжелый случай утром?

Я уцепилась за эту отговорку.

— Да. Пациентка... сложная. С очень живым воображением.

— О, это мои любимые, — он расслабленно откинулся на стуле, но глаза, как всегда, внимательно сканировали мое лицо. Они чуть прищурились — оценивающе, будто я была очередным интересным случаем в его практике. — Те, которые не просто лгут тебе, а лгут так, что сами в это верят?

— Хуже, — сказала я, сама удивившись, что продолжила. Мне нужно было это... проговорить. — Те, чье воображение играет с ними злые шутки. Которые... видят то, чего нет. Детали. Ненужные, лишние детали, которые пугают их больше, чем сама травма.

Я вспомнила тень на краю оврага. Короткая вспышка: влажная глина, тяжелый воздух, неуловимое движение. Я едва удержала чашку, чтобы не расплескать чай.

Марк перестал жевать и положил вилку на столик между нами. В этот миг в комнате стало тише. Только гул вентиляции и редкие шаги за дверью намекали на признаки жизни извне.

— Детали, которых нет, — медленно повторил он. — Вы уверены, что их нет?

— Это... воображение. Продукт перегруженной психики.

Галлюцинация.

— Галлюцинация, — он усмехнулся. — Какое удобное, клиническое слово. Мы все так любим навешивать ярлыки. Прятаться за ними.

Он наклонился ко мне через стол, и его голос стал тише.

— А что, если это не воображение?

Я молчала.

Кружка остывала в моих руках, пар больше не поднимался. На стене за его спиной играли солнечные блики, но один из них двигался не так, как остальные. Я моргнула — он исчез.

— Подсознание — это темный лес, Вероника, — сказал Марк. Его голос стал мягким, почти гипнотическим. — Мы думаем, что мы там хозяева. Прокладываем тропинки, ставим флажки. Убеждаем себя, что знаем карту.

Он говорил о пациентах, но я перекладывала все на себя, на свои скрипты, на «Правило прихожей». Я слышала его, но одновременно будто видела влажные ветки, липнущие к лицу.

— Но этот лес древнее нас, — продолжал он. — И мы там не одни. И когда мы лезем туда, особенно когда лезем насильно...

Он сделал паузу, глядя мне прямо в глаза. Его зрачки были темные, глубокие, и на миг мне показалось, что они отражают не комнату отдыха, а туман.

— ...иногда оно показывает нам то, чего мы сами не задумываемся.

мывали.

Неожиданно холод из оврага вернулся. Я почувствовала, как по спине побежали мурашки. Чай в кружке стал ледяным.

Марк улыбнулся. Широко. Обезоруживающе. Как на планерке.

— Или кого-то, кто там уже живет.

Я вздрогнула так сильно, что чай в чашке плеснул через край. Фарфор звякнул о блюдец. Звук в оглушающей тишине комнаты прозвучал как выстрел.

Он *знал*. Эта фраза не была метафорой. Это была констатация факта. Он каким-то образом знал, что я видела.

Игривость, усмешка, профессиональный интерес — все это слетело с лица Марка в одно мгновение. Он увидел животный, первобытный ужас в моих глазах.

— Эй, — его голос стал серьезным, низким, лишенным всякой бархатистости. — Я просто болтаю. Вероника, ты вся белая.

Я не смогла ответить. Я смотрела на него, и в моих глазах, должно быть, отражался весь тот ужас, что я видела на краю оврага.

Марк не стал ждать ответа. Он ловко подскочил ко мне и схватил за руку.

— Тебе нужен воздух. Немедленно.

— Я... у меня...

— Немедленно.

Его приказ яркой искрой вспыхнул в голове, прогоняя мрак. Марк почти силой выдернул меня из-за стола — я даже не помню, как поставила чашку — и потянул по коридору «Гелиоса» к выходу.

Мы вылетели через парадные двери. Холодный влажный городской воздух ударил в лицо. Я дрожала, пытаюсь вдохнуть, цепляясь за его руку, как утопающий.

— Дыши, — скомандовал он.

Я сделала вдох.

— Смотри. Он развернул меня лицом к улице. — Вон тот билборд. С рекламой шин. Какого он цвета?

— Я... что?

— Цвет, Вероника. Назови. — его голос был твердым, не допускающим возражений.

— Зеленый... Ярко-зеленый.

— Хорошо. Чем пахнет?

Я сделала еще один судорожный вдох.

— Выхлопами. И... кофе. Из булочной за углом.

— Правильно. Что ты слышишь?

— ...Сирена. Далеко. И... гул машин.

Марк не отпускал мою руку, пока заставлял каталогизировать реальность. Он заземлял меня. Точно так же, как я заземляла своих пациентов. И это работало. Земля перестала уходить из-под ног. Дрожь в ногах стала утихать. Я растерянно посмотрела на него. Марк все еще хмурился, внимательно вглядываясь в мое лицо. И впервые за все это время...

я почувствовала себя в безопасности. Этот человек, чьи слова только что чуть не убили меня, стал единственным, кто смог вытащить меня из этого кошмара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.